

въ совершенствѣ. Но при всемъ томъ одни изъ нихъ творятъ такъ, что за литературнымъ изображеніемъ вы совсѣмъ не чувствуете или почти не чувствуете личныхъ симпатій и антипатій автора (Чеховъ), а другіе, не менѣ великіе писатели-реалисты, изображая жизнь съ полной естественностью, все же проявляютъ время отъ времени собственную личность въ объективномъ литературномъ изображеніи, какъ бы подмигиваютъ читателю изъ-за созданныхъ ими литературныхъ образовъ. Такъ бываетъ нерѣдко у Тургенева, котораго никто не упрекнетъ въ недостаткѣ естественности изображенія, ибо отмѣченная черта состоитъ не въ недостаткѣ *естественности*, а въ недостаткѣ *непринужденности*, *легкости* приемовъ творчества. То же различіе наблюдается и въ сценическомъ творествѣ одинаково реально играющихъ актеровъ. Въ этомъ отношеніи творчество Щепкина можетъ быть уподоблено тургеневскому реализму, а творчество Прова Садовскаго—реализму чеховскому. Оба играли реально, въ высшей степени естественно, т.-е. согласно съ жизненной природой изображаемаго. Но Садовскій при этомъ до такой степени растворялъ свою личность въ создаваемомъ образѣ, что, по прекрасному выраженію Апполона Григорьева, „нельзя было бы и иголки подсунуть подъ его маску, не наткнувшись на живое тѣло“; и во всѣхъ движеніяхъ на сценѣ этого артиста нельзя было почувствовать никакой принужденности, нарочитости, приуроченности. Потому игра его дышала безусловнымъ самообладаніемъ и спокойствіемъ.

Вотъ этой-то особенности не было, по крайней мѣрѣ въ такой степени, какъ у Садовскаго, въ игрѣ Щепкина. Щепкинъ, нисколько не отступая отъ жизненной правды, нерѣдко не только возсоздавалъ изображаемый типъ, но и *толковалъ* его своей игрой, не скрадывалъ, а выявлялъ передъ зрителемъ свой художественный умыселъ въ распредѣленіи красокъ въ сценическомъ рисункѣ исполняемой имъ роли. Это выражалось въ томъ, что онъ нерѣдко слишкомъ горячился или слишкомъ настойчиво выдвигалъ ту или иную черту роли, схваченную имъ вполне вѣрно и жизненно правдиво, но передаваемую на сценѣ въ нѣсколько преувеличенной пропорціи съ остальными чертами ея. Это и было то, что Аполлонъ Григорьевъ мѣтко называетъ „вспышками *толкующаго комизма*“ въ игрѣ Щепкина.